

БЕРЕГИ В СЕРДЦЕ ЛЮБОВЬ

Иван Зубенко. «Любовь человеческая». Повести и рассказы. Краснодарское книжное издательство. 1980. 288 стр. 1 руб. 20 коп.

ИВАН Зубенко болеет душой за своих героев. Они интересны ему миром своим духовным. Его тревожит, какими они входят в этот мир и какими уходят... Что вбирают в себя, что — отдают... Как понимают себя, как — других... Он умеет быть бережливым к чужой боли: не разбередит понапрасну рану, не выставит всею бедо людскую напоказ. И если уж прикоснется к болевому, то с участием неподдельным. Переживания персонажей, их «простые» заботы, многомерность характеров волнуют автора, заставляя искренне печалиться их печальями, заботиться их заботами.

И. Зубенко не любит каких-либо неожиданностей, чрезвычайных происшествий в жизни своих героев, и поэтому характеры свои, душу свою выявляют они в обыденных, привычных для себя условиях.

Традиционно-бытовому повествованию Ивана Зубенко чужд острый драматизм. Рассказ, который он ведет, событиями небогат. Момент жизни героев, высветленный в веренище дней, может кому-то и случайным показаться, но умеет в нем писатель разглядеть сердцевину внутреннего мира человека.

О чем рассказывает писатель? О простом и обыденном, сызмала для героев своих знакомом и привычном.

Может быть, в истоках интереса автора, исследующего характер, к примеру, Зябкина (рассказ «Взрыв»), было то, что «ничья судьба не зависела от Зябкина, а вот его судьба зависела от всех»? Кто он — Зябкин? При всей неприиспособленности своей к жизненной борьбе он все же чем-то симпатичен читателю. Не тем ли, что таится в нем способность — когда уж иначе никак нельзя! — воспротивиться злу всем существом, подвигнуться на взрыв в душе своей?

Вероятно, прав автор, исподволь прорастывая в нас надежду на духовное возрождение «нигероя» Зябкина: если уж тот оказался способным на взрыв, на обличение жулика Мирзояна глаза в глаза, может быть, чувство самоуважения и утвердится в нем?..

Весьма непросто взаимоотношения собственно автора и рассказчика. Обе вошедшие в сборник повести да и каждый, почти-тай, второй рассказ написаны от первого лица. Роль авторского начала велика: рассказчик (которому автор подчас больше, на

мой взгляд, чем нужно для решения художественных задач, передоверяет действовать от его, автора, имени) нигде не изолирует себя от ситуации, не стоит от нее особняком. Чаще всего он — активный действователь в построении и сюжета, и нравственно-этической системы образов. Не всегда уверенно можно, однако, проследить, где все же «кончается» автор и где начинается его герой, ведущий повествование от первого лица. Случается, что границы образа рассказчика словно бы даже искусственно размыты, растушеваны...

Какими бы наивными ни выглядели попытки ставить знак равенства между автором и его героями-рассказчиками, трудно сомневаться в том, что в читательском обиходе такие попытки возможны, психологически объяснимы. О том, что Ивану Зубенко до того еще, как несколько лет назад вышла первая его книжка, довелось власть испробовать, чем же все-таки «пахнут ремесла», знают многие его читатели. Каменщик, плотник, жестянщик, печник, оператор в котельной (раньше это называлось не так престижно: кочевар), фрезеровщик, слесарь-инструментальщик... И разве не естественно, что об этих профессиях (о них писатель умеет рассказать с полным знанием и ощущением того света, который они отбрасывают и на внешний облик, и на характер человека) вспоминаешь невольно, когда начинается повествование такими, к примеру, словами:

«Мы строили (здесь и далее выделено мной.—Ю. М.) новый жилой дом» («Анапское лето»), «Мы возили хлеб на элеватор» («Любовь человеческая»), «Вчера мы памятник клали» («Мастер»), «У нас, у кочеваров, термин этот (байпас.—Ю. М.) обозначает трубу» («Байпас»)...

Такие зачины, конечно, действительны: рассказчик, обращаясь непосредственно к читателю, без обиняков вовлекает его в диалог, говорит с ним о своей позиции, раскрывает свое социальное лицо. Он не сомневается: конечно же, оценка событий, о которых он сейчас расскажет, и у него, и у читателя совпадает...

Потребность высказать правду о людях, среди которых родился и возрос, ведет писательское перо. «Береги в сердце любовь к людям», — напутствовал Ивана Зубенко Сергей Антонов. И этому напутствию писатель верен.

КРАСНОДАР

Юрий МАКАРЕНКО